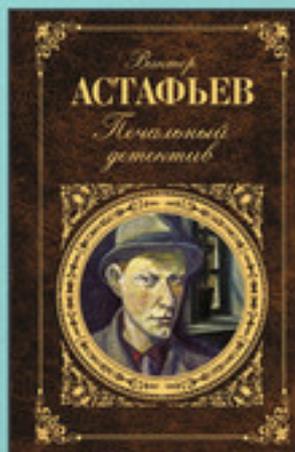

Виктор Астафьев

Вимба

Часть сборника
Печальный детектив (сборник)

Виктор Астафьев

Вимба

«ЭКСМО»

1985

Астафьев В. П.

Вимба / В. П. Астафьев — «Эксмо», 1985

«В те уже давние годы писательский Дом творчества в Дубултах, под Ригою, располагался в стареньких уютных домиках. Стремление к общему барaku, поставленному на поpa, с одинаковыми комнатами, окнами, дверьми, столами и стульями, с общежитским его комфортом, еще не захватило творческие умы, и мы с женою заселяли узкую комнату на две койки, в домике, по крыше которого шуршал ветрами сосняк, в раму царапались старенькие, скорбные кусты акаций, как бы радующихся нашему приезду и по этому случаю обещающих зазеленеть и зацвести свечным, неярким цветом...»

© Астафьев В. П., 1985

© Эксмо, 1985

Виктор Астафьев

Вимба

В те уже давние годы писательский Дом творчества в Дубултах, под Ригою, располагался в стареньких уютных домиках. Стремление к общему бараку, поставленному на попу, с одинаковыми комнатами, окнами, дверьми, столами и стульями, с общежитским его комфортом, еще не захватило творческие умы, и мы с женою заселяли узкую комнату на две койки, в домике, по крыше которого шуршал ветрами сосняк, в раму царапались старенькие, скорбные кусты акаций, как бы радующихся нашему приезду и по этому случаю обещающих зазеленеть и зацвести свечным, неярким цветом.

Вдруг старый дом закачался, задрожал, от топота посыпалась штукатурка, что-то со звоном упало в коридоре, и в комнату нашу без стука ворвался лохматый человек с горящим взором, сгреб в беремья мою жену и начал ее целовать, потом сгреб меня и тоже начал целовать, крича при этом на весь Дом творчества:

– Чьто ты сидишь, а? Чьто ты сидишь? Вимба идет, а ты сидишь!

Это был Гарий, мой давний приятель, с которым мы познакомились на какой-то выездной творческой компании, которой надлежало укрепить творческий дух и взбодрить полет дерзкой художественной мысли.

Я с дороги был не в духе, хотел на ком-нибудь выместить свое всем недовольство и раздражение, но со мной была лишь жена, за много лет так вызнавшая меня и приспособившаяся ко мне, что научилась ускользать от возмездия, не хотела быть громоотводом. Я же искал и не мог найти причину для того, чтобы «катануть на нее бочку». И вот Гарий! Не иначе как сам Господь Бог послал его мне в прицеп.

– Ты бы потише, Гарий, насчет женщин.

– Но вимба – это не жэншына, это – рыба! – вскричал Гарий и захохотал так, что лохмоты на его голове заколебались, что дым над трубой во время ветра. – А ты думал – латишка, да? О-ой, не могу!

– Ну, если рыба, – раздельно и четко сказал я, – тогда ничего. К рыбам русские женщины мужей еще не ревнуют.

Цель достигнута, накрыта и поражена. Супруга моя перестала улыбаться, лицо ее сделалось скорбно-мученическим, много– и долготерпеливым.

Мы выпили с Гарием бутылок. Жена, сделав нам одолжение, чуть пригубила из рюмки и отвернулась к окну, глядела на грустно сникшие за ним прутики акаций и на пылящие под ветром дюны, за которыми стеной стояло серое море, расчерченное неторопливыми скобками волн.

Ближе к вечеру мы уже ехали на реку Даугаву, где вимба не просто идет, по заверению Гария, прет сплошным косяком по воде, выбирая в плывущей из белорусских болот и озер зелени червей, козявок, мотыля и всякую тварь, годную в пищу. Машину вел друг Гария, Володя. Я сидел впереди, чтобы смотрелась хорошо Латвия... Сзади меня громоздилась крепкотелая, пучеглазая крупная женщина. Ноги ее не вмещались в узком пространстве «Москвича», поэтому были взметены вверх и колени с сохатиной костью касались моего затылка.

– Это вот есть латишка, – представил спутницу Гарий, – но не вимба, а Ренита, – и скромно, со вздохом добавил: «Чьто сделаешь? В машине место свободное, а она от одиночества страдает».

У Гария была жена, небольшая, аккуратная, красивая, которую приобрел он, когда «пыл большой и строгой командировка на севере», но он никогда и никуда не ездил и не ходил без спутниц. Да все выбирал, или они его выбирали – крупных, грудастых, нравом покладистых, на слово скупых.

Прибыв на реку, Гарий разбил палатку подальше от стана, в гуще цветущих черемух – «Штобы не смушшать вас и природа не тревожить лишним шумом», – пояснил Гарий, настроив транзистор на какую-то здешнюю волну, по которой звучала торжественная музыка, зовущая вдаль, ввысь, может, даже в голубые небеса. Однако из палатки раздался такой могучий храп, что приемник сделалось неслышно, с черемух начал осыпаться белый цвет, с подмытого берега – песок и подсохшие комки глины.

– На «скорой помощи» работает, – пояснил Гарий. – Устала. Ночь не спала. Пусть отдохнет, ей предстоит ответственный трут. – И начал снаряжать удочки.

О, эти удочки Гария! Они были похожи на него самого: лески в узлах и захлестах, крючки и катушки ржавые, удилица с соскочившими или погнутыми трубочками. Гарий долго ругался на эти удочки, даже материл по-русски ни в чем не повинные на этот раз все торговые организации. А я крыл его. И он наконец протянул мне собранную удочку.

– На! Самый лучший удочка, только не ворчи, пожалуйста. – Мои отборные, в Сибири почерпнутые ругательства Гарий посчитал ворчанием. Воспитанный мужик.

На противоположном, низком берегу реки, вздыбленном дикими валунами, меж которых рассыпались остатки грязного льда, недвижно, будто изваяния диких и давних времен, еще половецких иль, применительно к месту действия, тевтонских рыцарей, сидели рыбаки, и возникший в болотах туман, наплывая на них, делал фигуры людей еще более загадочными, потусторонне-мрачными. Гарий что-то крикнул по-латышски, ему, короткий и недовольный, последовал из тумана ответ, «Маленько ловится», – перевел Гарий. Но я не поверил ни ему, ни латышам на том берегу – уж очень густо плыла по вздутой речке зелень, химическая по виду, что кисель, тянущая. Какая тут могла быть рыба? Тем более что латыши на том берегу ничего в руках не держали, удочками не махали, сидели, ждали, туман все плотней обволакивал их и накрывал с головой, будто дыхание с того света дошло до и без того сырой Прибалтики, теплое, навеки все в беспробудный сон и беззвучие погружающее.

Но вот в тумане на другом берегу что-то зашевелилось, раскуделило себя и потащило из воды нить, обвешанную зеленью так, что уж казалось, будто рота солдат после похода вывесила на полевой провод дырявые и пестрые портянки. Ранний и теплый туман над водой не держался, отшатывался от холодных камней, ник к нашему прогретому берегу, утекал по ложбинам ко вспаханым полям, касаясь воды, пробно, зябко комкался и, словно тополиный пух на тротуарах, катился по скользкому скату куда-то вниз, прячась за островки и мысочки, скапливаясь под ярами, продырявленными еще в прошлое лето ласточками-береговушками, в водоминах и по кустам краснотала, спутанной ржавой проволокой возникшим из Даугавы.

В тумане, в грязных кустах на другом берегу что-то раз и другой бело сверкнуло, разбило завесь зелени, возникли леска, крючки, и на них прыгала, билась рыба, пытаясь сорваться с прогнутой тетивы.

– Вимба! – выдохнули разом два берега.

Гарий заторопился распутывать удочки, нервно ругаясь попеременно на родном и на русском языке, как бы подтверждая бытующее мнение, что крепче русского матюка нигде ничего нету и по этой части мы давно и прочно держим первенство.

– С добычей! – раздалась возгласы на том берегу и намек на продолжение: – Чтоб всегда клевало!

Спустя малое время на другом берегу задрезжал голос, будто плохо прибитое стекло в коммунальной квартире или крышка на закипевшем чайнике, в нем явственный звучал возторг: «Си-ытел рыпак вессе-лляй на пере-ку р-ре-эка-а-а...»

– Сам поймал вимба, другие не хочешь, да? – последовало едкое замечание, и певец покорно, однако, чувствовалось, с большой неохотой смолк.

Наконец-то Гарий из пучка удочек собрал еще одну, кою с натяжкой можно было назвать удочкой. Переправив меня, нездешнего человека, обутого по-курортному, на горбу через про-

току, указал, чтоб я стоял на середке галечного островка, по мысу вспененного кустарником и остро торчащей из воды осокой, – все равно, сказал, где тебе стоять. Здесь хоть сухо. «Все равно ничего не поймашь, рыба вимба есть очень умная», и только он, Гарий, знает, где и как ее ловить, да еще маленько Волетя – лишь они могут достать рыбки, от которой «все у человека встает в дыбки». Завершив свою речь оптимистичным русским присловьем, Гарий раскатистым хохотом сотряс тихую Даугаву, но тут же, вспомнив про осторожную, хитрую вимбу, может, и про докторшу в палатке, укротил себя и собрался бресть через протоку обратно.

Я остановил его, потребовал червей, посуду под рыбу и объяснений более деловых и подробных насчет характера знаменитой вимбы. Гарий высыпал из коробка спички в карман, загнал в коробок несколько наземных червячков, купленных на рынке, но под рыбу ничего не дал, заверив еще раз, что я все равно ничего не поймаю, так зачем мне таскаться с лишним имуществом? Насчет характера рыбы объяснения его были также емки и кратки:

– Когда я был польшо-ой и строгой командиром Комиэсесэр, ловил там рыба под названием «харьюс» – маленько напоминает.

– Так за каким лядом ты меня поставил на отмели, когда есть стрелка острова, и, если ловить по уму, надо ловить на выносе...

– Какая тебе расница? Все равно ничего не поймашь. Сдесь мелко. Ты не утонешь – я отвечаю за тебя перед жена.

Я послал Гария далеко, и он охотно удалился, насвистывая чуть слышно тот самый боевой марш, что подавила своим храпом его могучая спутница. Шаги Гария и хруст камней под его сапогами скоро утихли. Рыбаков на другом берегу совсем сделалось не видно. Реку сжало, сузило с обеих сторон, и только пронос ее, самая середина, упрямо темнела, шевелилась, завертывая воду в клубы, разваливая, будто плугом, стрежь ее на два пласта, обнажая с исподу реки космы зелени, развешивая их на кусты, на осоку, застилая жидким киселем водорослей белеющий на обдувах камешник, приплески, мысы и обмыски.

Берега Даугавы сплошь были в слизи, вода шла на убыль, катилась в трубу. Вместе с большой водой следом за зеленью скатывалась и рыба, выбирая из озерного и болотного хлама остатки корма, порой заглатывая и зелень – по выбору. Клев вимбы был на исходе, в прогретую у берегов отмель, в болотистые разливы уходили и выдавливали икру в старую траву и меж калужниц плотва, язь, голавль, шатая кочки, будто подгнившие пни, возились в затопленных болотах щуки. Самцы, поймавшись за нагрудный плавник брюхатых щучищ, изнуряли их своей рыбьей неуёмной страстью и, оплодотворив молоками икру, сонно шевелили жабрами, отдыхали на травяном мелководье, набираясь сил для речного разбоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.